

ОСЕТИНСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО: САМОСОЗНАНИЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

С.А. Айларова

Статья посвящена одному из аспектов истории образования в Осетии конца XIX – начала XX в. – самосознанию социопрофессиональной группы – осетинского учительства. Формирование профессиональных групп было выражением модернизации социальной структуры пореформенного осетинского общества. Ввиду особенностей истории образования в Осетии главным представителем этой группы являлись учителя церковно-приходских школ – основного типа начальной школы в крае. Осознание профессиональных интересов, общественного статуса и материального положения народного учителя было проявлением оформления этого социального сообщества. В центре внимания педагогической публицистики – учительская повседневность, размеры жалования, проблема пенсий, жилье, питание, взаимоотношения учителя с школьной и сельской администрацией, представителями сельского общества, статус и перспективы педагогического труда. Обсуждение многих проблем носило полемический характер; участники дискуссии высказывали противоположные суждения о материальной обеспеченности народного учителя, качестве жилья, возможности подсобного хозяйства, будущего образования детей учителя. Освещалась запутанность ситуации с учительскими пенсиями, которые в реальности не выплачивались. В актуальной публицистике освещены не все проблемы учительской повседневности, а только социально значимые, волновавшие демократическую интеллигенцию. Изучение субкультуры и самосознания осетинского учительства актуально в русле методологических поисков отечественной «новой социальной истории», а также «историко-антропологического» подхода, дающих возможность реконструкции поведенческих стратегий этой группы интеллигенции. «Интеллектуальная история» Осетии дореволюционного периода формировалась во многом представителями этой образовательной общности, развивавшей общественную мысль на протяжении десятилетий. Публицистическая подборка, составившая основу статьи, информативна и свидетельствует о перспективности изучения такой социопрофессиональной и культурной группы, как осетинское учительство.

Ключевые слова: осетинская интеллигенция, социопрофессиональная группа, учительство, повседневность, социальный статус, материальное положение.

Конец XIX – начало XX в. был для Осетии эпохой модернизации всех сфер жизнедеятельности общества. Преобразования социокультурного, экономико-хозяйственного характера коснулись разных сторон привычного уклада жизни осетин, трансформировали традиционные формы их существования.

Важнейшим субпроцессом модернизации была «образовательная революция», появление в ткани традиционного осетинского общества новаторского института –

школы, включавшей по большей части пространство элементарной грамотности, обучение широких слоев населения начальным базовым знаниям, но в перспективе – воспитание у молодого поколения новой системы ценностей, идеалов, моделей поведения, формирование современного типа личности – деятельной, созидательной, гражданской.

Частью общего движения регионального Просвещения было формирование особой социопрофессиональной общно-

сти – учительства, четко оформленной группы региональной интеллигенции, со своей субкультурой, формирующимся самосознанием, чья социальная активность носила ярко выраженный созидательный характер.

История образования на Северном Кавказе и его отдельных областях в XIX – начале XX в. давно в фокусе внимания кавказоведческой науки: дореволюционной, советской и постсоветской. Рассматриваются преимущественно институциональные аспекты развития образования, что объясняется методологическими приоритетами исторического кавказоведения, изучающего этот предмет. Объект изучения историков и педагогов – сама система народного просвещения на Северном Кавказе, его регионах, основные тенденции в педагогической науке и практике того времени. В последние десятилетия появились обобщающие исследования, диссертации и монографии, где авторы представляют комплексный подход, анализируют систему народного просвещения в крае в единстве ее компонентов, развитие которой происходило под активным воздействием государства, и сформировавшей мощный образовательный потенциал как интегративное качество социокультурного пространства в регионе (см.: [1; 2; 3]).

На наш взгляд, достаточно перспективное направление дальнейших исследовательских поисков в области истории образования в крае – в русле актуальных методологических подходов отечественной исторической науки – «новой социальной истории», позволяющей обратить внимание на формирование профессиональных групп в социокультурном пространстве региона в эпоху модернизации, прежде всего учительства. Социо профессиональный облик учительства, анализируемый также в рамках «историко-антропологического» подхода, даст богатый материал для реконструкции повседневной жизни, образа мыслей, поведенческих стратегий этой группы интеллигенции. «Интеллектуальная история» Осетии дореволюционного периода формировалась во многом этой

образовательной общностью, выдающиеся и менее заметные представители которой развивали общественно-педагогическую мысль края на протяжении десятилетий.

В работах по истории осетинской интеллигенции выделяется такая профессиональная группа как учительство, на основе новых оригинальных источников расширяется ее состав, реконструируется биография многих представителей [4; 5]. Однако проблема становления учительства как особой общности в рамках социальной структуры пореформенного осетинского общества, его статус и материальное положение, подготовка и уровень образования, участие учительства в общественной жизни и движениях, профессиональная сплоченность и сотрудничество, уклад повседневной жизни, круг чтения и личностное культурное пространство – все эти и многие другие вопросы в комплексе еще ждут своего изучения.

Данная статья является небольшой подвижкой в этом направлении. В ней рассматривается проблема формирования самосознания учительской общности, – как ее представители оценивали свой общественный, правовой статус и материальное положение. Эти вопросы активно обсуждались в региональной периодике начала XX в. и представляют значительный интерес.

«Ни для кого не тайна, что мощь государства и благосостояние народа находятся в прямой зависимости от культурного уровня страны. Не менее также должно быть ясно, что первый камень в создании этого условия силы и благосостояния народов кладется народным учителем, – писал публицист Д. Галазов в статье с характерным названием «Доля учителя». – Казалось бы, что учитель должен быть окружен ореолом уважения и внимания, как со стороны государства, так и общества. Казалось бы также, что государство должно создать для учителя такие условия существования, чтобы наиболее способные лучшие элементы страны стремились бы в ряды народных учителей. Но действительность как раз обратна этому предложению. Народный учитель – это почти самый необеспеченный и

забитый элемент. Приходится поражаться искусству, особенно семейных учителей, существовать при настоящих ценах на неизменное тридцатирублевое жалование. О воспитании детей и об удовлетворении духовных запросов, не может быть, разумеется, тут и речи» [6].

Статус и материальное положение «народного учителя», т.е. сельского учителя начальной школы, – самая обсуждаемая проблема региональной публицистики, освещающей образовательную тематику. Вокруг этой темы вспыхивали дискуссии, в полемическом запале участники высказывали взаимоисключающие суждения.

Надо отметить, что учительская корпорация России и ее регионов, как представитель образовательной системы страны, включала ряд групп, в зависимости от типа образовательного учреждения. Наиболее защищенными в правовом и материальном смысле были преподаватели средней школы, учителя гимназий и прогимназий, которые считались государственными служащими, чиновниками, т.е. имели определенные чин и класс, присвоенные в соответствии с Табелью о рангах Российской империи, что предоставляло им служебные привилегии и пенсионные права. Работа в училищах среднего звена образования была престижной, учителя средней школы являлись представителями буржуазной интеллигенции, весьма отличаясь от учителей начальных народных училищ. Самым тяжелым было положение учителей начальной школы, особенно сельских церковно-приходских и земских школ, которым не предоставлялись какие-либо права, свободы и привилегии. В целом, правовой и социальный статус учителей начальных народных училищ был чрезвычайно низок, и это при том, что учителя данной группы несли на себе огромное количество трудовых, профессиональных и должностных обязанностей, с высокой долей ответственности (см.: [7]).

К концу XIX – началу XX в. в образовательном отношении Терская область лидировала среди других регионов Северного Кавказа. В городе Владикавказе, админи-

стративном, культурном и образовательном центре области, к концу 90-х гг. XIX в. было 32 мужских и 12 женских начальных и средних начальных учебных заведений.

В осетинской сельской среде начальное образование обеспечивалось в основном институтом духовного ведомства – Обществом восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ), бравшего на себя обязательства по содержанию учительского штата приходских (с 1884 г. церковно-приходских) школ. Учителям назначено было содержание до 400 руб. в год, их помощникам и учительницам – 200 руб. В том случае, если сельское общество желало пригласить в школу второго учителя, его содержание обеспечивалось самим обществом. В штате приходских школ была еще должность законоучителя с окладом 100 руб. в год. Эту должность занимали церковнослужители (священники и дьяки), хотя часто Закон божий преподавался и учителем, если в приходе не было священника [3, 200]. Учительский контингент приходских школ с 1874 г. формировался из выпускников годичных курсов при Тифлисской Александровской учительской школе и Владикавказского осетинского женского приюта имени княгини Ольги Федоровны. С 1887 г. учителей в осетинские школы стала поставлять Александровская миссионерская духовная семинария (в 1887-1895 гг. – Ардонское Александровское осетинское духовное училище). «...Преподавание в приходской школе было настоящим подвижничеством. Скромное жалование, суровые бытовые условия, огромная моральная ответственность, которые возлагались на учителей Правилами начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе 1874 г., делали этот труд невероятно тяжелым» [3, 201]. К тому же учителя школ ведомства ОВПХ были в неравноправном положении по сравнению с учителями начальных школ России: работа в приходской школе не считалась «училищной службой» и не давала право на получение пенсии. Положение исправилось только в 1895 г. 20 февраля этого года вышел указ, приравнивающий учителя

лей церковно-приходских школ ведомства ОВПХ к категории учителей начальных школ России с правом на получение пенсии за выслугу лет. Выплаты должны были осуществляться из пенсионного фонда Совета Общества, формировавшегося за счет двухпроцентных отчислений из жалования учителя и ежегодного отпуска 2000 руб. из средств самого Общества [8, 102].

В этих сложных, подчас очень тяжелых условиях формировалась учительская общность Осетии, выступившая как активная, динамизирующая сила осетинского общества, верившая в просвещение как способ изменения условий жизни своего народа. Впитав идеи демократической русской интеллигенции, ратуя за права всех «униженных и оскорбленных» слоев населения, они констатировали униженный социальный статус своего собственного сообщества, учили словом и делом защищать свои попираемые права, утверждать свою общественную значимость.

Одним из первых возвысил свой голос в защиту педагогов-тружеников великий осетинский поэт и публицист, общественный деятель Коста Хетагуров, который в статье «Церковноприходские школы в Осетии», касаясь многочисленных проблем начальных школ в горном крае, затронул и положение учителей, чье реальное жалование сильно отличалось даже от скромных цифр содержания, которое планировалось для них духовным ведомством. «Труд, которому эти сеятели «разумного, доброго, вечного» посвящают все свои лучшие годы, оплачивается каким-то нищенским подаянием 120 руб. в год, за небольшим исключением. Это положение ухудшается еще тем ветхозаветным порядком получения жалования, который сохранился только на Кавказе среди священников и учителей, получающих свое содержание из средств «Общества восстановления христианства на Кавказе» по третям, да еще с большими запозданиями» [9]. Свои слова он дополнил цитатой из заметки в «Терских ведомостях» либерального публициста Н. Тульчинского, освещавшего проходивший накануне в Ардоне съезд учителей при-

ходских школ Северной Осетии. Цитатой настолько выразительной, что мы ее приводим полностью: «Добро еще, если бы эта получка аккуратно совпадала в срок, но дело в том, что жалование высылается из Тифлиса и всегда месяцем позже данной трети, причем не следует упускать из виду ... то обстоятельство, что содержание получается по истечении трети, в продолжении которой надо было жить без денег, а следовательно, влезать в долги. Все это в совокупности значит: за свой адский труд получай от 40 до 100 руб. и эту гомеопатическую сумму размежуй, как знаешь, чтобы хватило с долгами расплатиться и жить целых пять месяцев. Задача не из легких. Но на деле и это еще не все: учителя и учительницы за своим жалованием должны ехать в Ардонское селенье, что естественно сопряжено с потерей времени и более или менее значительными расходами, в особенности для тех, кому приходится ехать из Стыр-Дигорского, Махческого приходов и др. отдаленных местностей. Кроме того, такие поездки для многих учителей еще более удлинняют срок получения своего жалования. Неприглядность такого положения еще выпуклее обрисовывается, когда скажем, что каждый служащий в других учреждениях, вследствие ежемесячного получения жалования, к великим годовым праздникам рождества Христова и Святой Пасхи может иметь для себя обновки, а для стола традиционных гуся и поросенка, тогда как эти труженики сельского просвещения не только лишены этой относительной роскоши, но подчас многие из них не имеют для себя и семьи достаточного количества хлеба, ибо свое скромное жалование они получают в три приема: в январе или феврале, в мае или июне и в сентябре или октябре» [9; 10].

Несколько лучше обстояло дело в плоскостной Осетии, где, конечно, уже не было школьных зданий в виде полуразвалившихся «каменных сараев», «похожих скорее на хлев» [9]. Плоскостные села оснастились просторными красивыми школами, средства на постройку которых сельские общества не жалели. Однако учитель цер-

ковно-приходских школ Осетии оставался незащищенным элементом «образовательного благополучия» края.

Прежде всего, всех беспокоил вопрос о пенсиях. Утверждение в 1895 году право на пенсию учителей церковно-приходских школ ОВПХ вызвало всеобщий энтузиазм в педагогическом сообществе Осетии. Многие приветствовали эту инициативу и даже ставили вопрос о том, чтобы пенсионным обеспечением были охвачены как «старые» учителя, так и вторые учителя в сельских школах, получающие жалование за счет денежных средств самого сельского общества [11]. Однако реальность оказалась гораздо прозаичнее этих надежд. Широкою огласку получила история учителя Даева, имевшего приличный стаж (29 лет), старого и больного, которому было отказано в пенсии, с мотивировкой, что пенсией «могут пользоваться учителя только со дня утверждения», т.е. с 1895 г. и что закон обратного действия не имеет [12]. «Отказ Совета «Общества» в назначении пенсии учителю Даеву произвел удручающее впечатление на его товарищей-учителей. Удар был нанесен неожиданно, тем более, что многие уже выслужили и выслуживают срок на пенсию» [12]. Несмотря на многочисленные ходатайства, просьбы и делегации в Санкт-Петербург, ситуация не изменилась. У ОВПХ средств на выплату пенсии в реальности еще не было, государство в этом случае не выступало гарантом, и пенсии учителям церковно-приходских школ были делом отдаленного будущего. «В настоящее время между учителями есть весьма почтенные люди, которые положили все на этом тернистом пути, – писал с сожалением публицист «Казбека». – Многие из них выслужили от 18 до 32 лет. К величайшему сожалению, молодые, способные учителя, видя печальную участь в настоящем и будущем своих старых товарищей, бросают службу и бегут в разные ведомства и учреждения. Начать этим людям снова выслуживать по 25 лет едва ли мыслимо: сил не хватит. Нужно надеяться, что будет обращено серьезное внимание на положение этих несчастных тружеников, ибо они пер-

вые внесли свет на глухой окраине в среду горцев-осетин» [12].

И не случайно в школах ОВПХ росла с конца XIX века текучка педагогического персонала, особенно молодежи, неудовлетворенной и статусом и социальной незащищенностью в профессии [13].

Но особенно сложным становилось положение учителя, если он вступал в конфликт с властью, как высшей, так и низовой, сельской. Так, публицист «Казбека», скрывшийся под псевдонимом «Хосцау», пишет о незавидной участи «вторых» учителей, получавших жалование от сельских обществ [14]. Любая их просьба или претензия торпедируется местной властью – «на почве законных требований или просьбы учителя, между ним и старшиною происходят частые столкновения, которые оканчиваются победою старшины и имеют следствием установление натянутых отношений между ними» [14].

Подчас сельскому учителю-интеллигенту противостояли и другие представители традиционного сельского общества. Жизнь его иногда была настоящим ежедневным примером стоической выдержки и терпения. «Учитель должен угождать кроме своего прямого начальства еще и священнику, дьякону, старшине с его помощниками, писарю и даже сторожу школьному. И беда ему, если он не сумеет угодить кому-либо из них. Жизнь для него станет адом и по капризу каждого из них он может оказаться без места. Особенно худо положение тех учителей, которые получают свое жалованье от общества в сельских правлениях. Грубости и произволу местных «начальств» не бывает тут и конца. Учитель должен вымаливать и выпрашивать Христа ради каждый рубль своего жалованья... И лишь Богу одному известно, сколько приходится тому переживать при этом нравственных страданий, прежде чем получить свое ничтожное жалованье, заработанное нелегким трудом» [6]. И автор иллюстрирует это собственными безуспешными мытарствами по различным инстанциям в стремлении получить свое законное содержание, которое отказался выдавать старшина

с. Гизель, ввиду того, что учитель в летние месяцы работал еще в кооперативном товариществе.

Острая полемика развернулась вокруг вопроса о материальной обеспеченности учителей церковно-приходских школ в Осетии. Ее вызвали две публикации в газетах «Казбек» и «Терские ведомости», где авторы, касаясь попутно разных проблем образования и школьной повседневности, заявляли о благополучии осетинских учителей, ничем не обделенных на фоне преподавателей городских и сельских министерских школ края и других регионов России [15; 16]. «Учителя осетинских школ материально обеспечены не хуже даже учителей городских училищ, – писал автор под псевдонимом «Дигорон». – В этом можно убедиться из следующего: правоспособные учителя осетинских школ получают в год жалованье от 300 до 400 рублей, при даровых – квартире, отоплении и прислуге от общества, на каковые предметы в городе потребуется не меньше 320 руб., если положить на квартиру 180 руб., на отопление 40 руб., и на прислугу 100 руб., таким образом и выходит, что учителя осетинских школ в среднем выводе получают годового оклада от 620 до 720 руб., выше оклада учителя городского училища. В добавок к этому надо еще присовокупить, что жизнь в селении стоит далеко дешевле, чем в городе». Далее делался вывод: «Конечно, мы не хотим сказать, что на этом жалованьи учителя осетинских школ могут жить роскошно, и от души желаем увеличения жалованья учителям, но мы убеждены и в том, что они получаемым жалованьем достаточно удовлетворяют потребностям скромной своей жизни» [15].

В ответ было несколько возмущенных откликов. Из этих публикаций выделим две, отличающиеся логикой, аргументированностью, и доказательностью приведенных фактов [17;18]. Автор статьи, скрывшийся под псевдонимом «Осетин», уже выступал со своими аргументами ранее в «Казбеке» (под псевдонимом «тоже Дигорон»). В ранней статье автор убедительно опровергает фантастическое утверждение

о жалованье сельских учителей в 620-720 руб. На самом деле, жалованье – все те же привычные 400-300 руб. (и только у части учителей). «Сколько-нибудь сносные квартиры при школах имеют только девять осетинских учителей, они же пользуются и отоплением, и услугами школьных сторожей (собственной прислуги нет) :большинство же других, учительствуя в своих же селениях, живут в собственных своих домах и не получают ни квартирных денег, ни прислуги» [17]. Наемные общественные квартиры для учителей – как правило, крохотные комнатухи с кукольными оконцами, «за которые общество платит не больше 3-4 руб. в месяц». «...Никакой городской учитель не только сам не станет жить в такой квартире, но, боясь греха, не наймет для своей любимой собаки такой тесной и сырой конуры, каковые из себя представляют ...учительские квартиры» [17]. Мифом оказывается и утверждение о сравнительной дешевизне сельской жизни для учителя. «Мы же говорим обратное, потому что некоторые продукты в селе стоят дороже, нежели в городе. Например, фунт сахара в селении стоит не 16-17 коп., как в городе, а 18-20 коп., пуд муки, стоящей в городе 1 руб.60 коп., в селении продается за 1 руб.80 коп.- 2 руб.; за фунт керосину – 4-5 коп.; 10 штук яиц – 10 коп.; за курицу, которую в городе можно купить за 25-30 коп., в селении заплатишь 35-40 коп.; мясо, которое в селении редко и продается, тоже не дешевле, чем в городе. Где же тут дешевизна сельской жизни?» [17]. И хотя на свое жалование в 300 рублей годовых осетинский учитель якобы мог купить тысячу кур, в реальности он питался очень скромно. «Осетинские учителя сравнительно меньше денег расходуют на потребу своего желудка, привыкшего, за скудостью материальных средств, к кукурузному чуреку, кадуру (фасоль), яйцам и кармхуппу (суп из картофеля). Если два-три дня в неделю сельский учитель покушает суп с мясом и белым хлебом, то эти дни для него считаются днями парадных обедов» [17]. В итоге автор так характеризует манипуляции «апологета беспечального житья» учителей: «перво-

дять на деньги то, что две трети осетинских учителей вовсе и не получает натурой и говорить, что они материально обеспечены не хуже городских учителей, мне кажется, не может называться справедливым» [17].

В следующей статье повторяются положения предшествующей, добавляется несколько новых тезисов и ряд выразительных деталей, свидетельствующих «о вопиющей несправедливости по отношению к учителям – этим обездоленным народным труженикам» [18]. Так, по мнению публициста, – «освобождение учителей от общественных повинностей» (как часто упоминаемая льгота) – не более, как фикция и «подтасовка фактов». Можно говорить лишь об «освобождении не вообще от общественных, а только от подводной казенной повинности, которая бывает через два-три года раз, и от подушного земельного оброка, на сумму двух рублей в год, – и то освобождаются лишь те из учителей, которые считаются главами семейств... в противном же случае во всех отношениях они уравниваются с прочими сельчанами» [18]. Плодом фантазии досужих писак является и «возможность следить за хозяйством и помогать своим родственникам». «В действительности из всех существующих 70-ти школ имеют сад только 3 – 5 школ, не больше. Таким образом, большинство школ, не имея учительских помещений, вдобавок к этому остаются у нас без всякого клочка земли» [18]. Но даже эти несколько школьных садов, являющиеся плодом усилий учителей и учеников, превратились в источник коммерции для сельской администрации. Автор приводит удивительный факт, «когда школьный сторож попросил выйти одного из учителей, когда тот заявился в сад с тем, чтобы попробовать вишен» [18].

Часто для того, чтобы дать достойное образование своим детям, сельскому учителю приходилось экономить на всем, от питания до одежды и домашней обстановки. Так, упоминается «один из старых учителей, который теперь двадцать лет не может у себя вставить рамы, целиком расходуясь на воспитание своих детей» [18].

Или другой учитель, «работавший в горном селе, получая высший учительский оклад, и расходуя его почти целиком на воспитание своих сыновей, целую зиму, за неимением учительской квартиры, жил в горной конюшне и питался исключительно одним чуреком, так что к концу года он говорил: «Не случись в это время поминок, куда меня пригласили и где я за целый год впервые видел мясо, я едва ли бы вынес эту голодовку!» [18].

Таким образом, как настоящее для осетинского учителя было необеспеченным, бедным, так и будущее (при нерешенности вопроса о пенсиях) представлялось проблемным. Поэтому многие молодые учителя оставляли педагогическое поприще и искали другого приложения своим силам и образованию. Публицист подводил итог: «Скудость материального вознаграждения, приниженность человеческой личности, печальная будущность – вот те язвы в условиях жизни современных учителей, в силу которых лучшие работники на ниве народной уходят и будут уходить, если для излечения этих язв не будут приняты несравненно более радикальные меры...» [18].

Безусловно, социальный статус и материальное положение учителя неправительственной начальной школы (церковно-приходской и земской) были ниже чем у учителя средней школы. Зарплата учителя средней школы (гимназии, прогимназии, реального училища) колебалась в широком диапазоне (в зависимости от образования и стажа) где-то от 750 руб. до 1500 руб. Сюда надо прибавить казенную квартиру, отопление, столовые и ряд других льгот – «государство обеспечивало учительскому корпусу вполне достойный уровень жизни» [19,73]. В то же время у основной массы российских педагогов были совсем другие показатели. По официальным данным Министерства народного просвещения – более трети народных учителей России получали 200 руб., более четверти – менее 100 руб.; значительное количество учителей получали около 50 руб.; были такие, которые не получали денег вовсе (находились на натуроплате)

[19,73]. Закон, принятый 3 мая 1908 г., устанавливал ежегодное увеличение смет на начальное образование. Теперь жалование учителя начальной школы должно было быть не менее 360 руб. в год [20,178]. В 1911 г. была проведена однодневная перепись; по данным переписи средний размер заработной платы городских учителей составлял 528 руб. в год, учительниц – 447 руб., сельских учителей – 343 руб., учительниц – 340 руб. [21,65]. В предвоенные годы были в законодательном порядке установлены пятилетние прибавки в начальных училищах всех наименований и ведомств, было введено освобождение от платы за обучение в средних школах детей народных учителей и еще ряд льгот. В 1917 г. Государственной думой был одобрен закон об увеличении минимального учительского жалования до 480 руб., но начавшаяся Первая мировая война внесла свои коррективы, и закон не был проведен в жизнь [19, 73].

Современные историки Т.В. Филоненко и А.В. Шипилов считают, что ситуация вокруг положения народного учительства «чрезмерно драматизирована». Необходимо учитывать и то, что учитель работал неполный год (поскольку сельские ученики посещали школу только в свободное от сезонных сельскохозяйственных работ время); а также проживание на казенной квартире или доме – «какого бы низкого качества ни было это жилье, но за него не надо было платить» [19, 74]. Средняя зарплата рабочего в Российской империи в 1912 г. была 255 руб., а жалование основной массы народных учителей держалось на уровне 360 руб. Розничные цены в губерниях и областях центра и юго-востока России были таковы: картофель – 13 коп. за пуд, говядина – 4 руб.50 коп., баранина – 4 руб. 15 коп., свинина – 4 руб. 95 коп., сало свиное – 8 руб. 05 коп., масло сливочное – 17 руб. [19,74]. То есть, на месячное жалование в 30 рублей учитель начальной школы мог купить (или-или): 3 780 кг картофеля, 109 кг говядины, 118 кг баранины, 99 кг свинины, 61 кг сала, 29 кг сала, 29 кг масла. «Это, конечно, не слишком большие циф-

ры, – пишут историки, – но все же о настоящей «нищете», «голоде» дореволюционных народных учителей (как они сами часто оценивали свое положение) говорить не приходится» [19,74]. Дореволюционный учитель начальных классов мог позволить себе расходы на приобретение книг, газет, журналов, затраты на одежду, обувь, театр, поездки, помощь родным, прислугу [22, 67]. Питание в общей структуре учительского бюджета не превышало 50% [22, 68]. «Это не так уж плохо, особенно по сравнению с позднейшими периодами истории русского учительства. Тем более с современными реалиями» [19,74].

Безусловно, все познается в сравнении. Но дореволюционные педагоги и публицисты сравнивали незавидное положение и обеспечение русского учителя начальной школы не с позднейшими «куда более тяжелыми временами» – они были им неведомы – а с современными им социальной защищенностью и материальным положением учителя средней школы, которое было в пять выше. Это был социально-классовый вопрос, поскольку среднее образование в России было элитарным и искони доступно только (или по большей части) дворянству. «Напряженность» и «драматизм» проявления недовольства своим общественным положением «низового» учительства было одним из проявлений подспудно зревшего гражданского конфликта.

Ярким выражением модернизации социальной структуры пореформенного осетинского общества было формирование профессиональных групп. В конце XIX – начале XX в. наиболее четко оформленной и достаточно многочисленной социопрофессиональной группой являлось учительство. В силу особенностей истории образования в Осетии главными представителями этой группы стали учителя церковно-приходских школ, основного типа начальной школы в крае. Одним из проявлений оформления этого профессионального сообщества было рождение самосознания, понимание своих профессиональных интересов, статуса и материального положения. Большая часть писавших о проблемах учительства

– сами учителя (судя по контексту) – отсюда хорошее знание повседневной реальности и жизни народного педагога Осетии, его тревог и чаяний. В фокусе внимания публицистов – размеры жалования, проблема пенсий, жилье, питание, взаимоотношения учителя с школьной и сельской администрацией, представителями сельского общества, статус и перспективы педагогического труда. Не все стороны учи-

тельской повседневности оказались освещенными в актуальной публицистике, а только социально значимые, волновавшие демократически настроенное интеллигентное сообщество. Но эта публицистическая подборка информативна и свидетельствует о перспективности изучения такой социопрофессиональной и культурной группы, как осетинское учительство.

1. *Бозиев Р.С.* Развитие образования народов Северного Кавказа в XIX – начале XX веков: этапы, движущие силы и механизмы: Дисс. ... докт. пед. наук. М., 2009.
2. *Созаев А.Б.* Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. – 1917 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.
3. *Кобахидзе Е.И., Ладонина Н.А.* Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Владикавказ. 2017.
4. *Гутиева Э.Ш.* Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации: вторая пол. XIX – начало XX вв.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.
5. *Дзалаева К.Р.* Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.). 2-е изд., перераб. Владикавказ, 2012.
6. *Галазов Д.* Сел. Гизель. Доля учителя // Терек. 1915. № 5325.
7. *Морозова В.В.* Правовой и социальный статус учителей дореволюционной России. Автореф. ... дисс. канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2007.
8. Полное собрание законов Российской истории. Собрание третье. Т. XV. № 11396.
9. *Нарон [К.Л. Хетагуров].* Церковно-приходские школы в Осетии // Северный Кавказ. 1901. № 88.
10. *Тульчинский Н.* По поводу съезда учителей приходских школ Северной Осетии // Терские ведомости. 1901. № 89.
11. *Уруймагов Х.* Пенсии сельским учителям в Осетии // Казбек. 1899. № 633.
12. [б.и.]. О положении учителей осетинских школ Северной Осетии // Казбек. 1903. № 1559.
13. *Амир-хан.* К вопросу об уходе учителей из Северной Осетии // Казбек. 1905. № 2260.
14. *Хосцау.* Несколько слов о положении учителей в Осетии // Казбек. 1900. №№ 662, 679.
15. *Дигорон.* В защиту учителей осетинских народных школ // Казбек. 1901. № 1142.
16. [б.и.]. Об осетинских школах // Терские ведомости. 1903. № 148.
17. *Дигорон.* На статью Дигорона «В защиту учителей осетинских народных школ» // Казбек. 1901. № 1162.
18. *Осетин.* Несколько слов по поводу статьи «Об осетинских школах» // Казбек. 1903. №№ 1656, 1657.
19. *Филоненко Т.В., Шипилов А.В.* Материальное положение учителей в дореволюционной России // Педагогика. 2004. № 7. С. 65-75.
20. Всеобщее обучение и земство / Под ред. П. Чижевского. СПб., 1910.
21. *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981.
22. *Сучков И.В.* Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история. 1995. № 1. С. 62-77.

Ailarova, Svetlana A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); aylarova54@mail.ru

OSSETIAN TEACHERS: SELF-AWARENESS AND EVERYDAY LIFE (LATE XIX – EARLY XX CENTURY).

Keywords: Ossetian intelligentsia, socio-professional group, teaching, everyday life, social status, financial situation.

The article considers one of the aspects of the history of education in Ossetia in the end of XIX – early XX century – the self-awareness of the Ossetian teachers as socio-professional group. The formation of professional groups was an expression of the modernization of the social structure of the post-reform Ossetian society. In view of the peculiarities of the history of education in Ossetia, the main representative of this group was the teachers of parish schools, the main type of elementary school in the region. Awareness of the professional interests, social status and material situation of the people's teacher was a manifestation of the formation of this social community. The focus of pedagogical journalism is on teachers' everyday life, salaries, the problem of pensions, housing, food, the teacher's relationship with the school and rural administration, representatives of rural society, the status and prospects of pedagogical work. Discussion of many problems was polemical in nature; the participants in the discussion expressed opposite opinions about the material security of a people's teacher, the quality of housing, the possibility of subsidiary farming, and the future education of the teacher's children. The confusion of the situation with teachers' pensions, which in reality were not paid, was highlighted. In actual journalism, not all problems of teachers' everyday life are highlighted, but only socially significant ones that worried the democratic intelligentsia. The study of the subculture and self-consciousness of the Ossetian teachers is relevant in line with the methodological searches of the national "new social history", as well as the "historical-anthropological" approach, which makes it possible to reconstruct the behavioral strategies of this group of intelligentsia. The "intellectual history" of Ossetia in the pre-revolutionary period was formed in many respects by representatives of this educational community, which had been developing public thought for decades. This journalistic selection is informative and testifies to the prospects of studying such a socio-professional and cultural group as the Ossetian teachers.

REFERENCES

1. Boziev, R.S. *Razvitie obrazovaniya narodov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov: etapy, dvizhushchie sily i mekhanizmy* [Development of education of the peoples of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries: stages, driving forces and mechanisms]. Doctoral dissertation (in Pedagogy). Moscow, 2009. 319 p.
2. Sozaev, A.B. *Narodnoe obrazovanie v Terskoi oblasti v 60-kh gg. XIX v. – 1917 g.* [Public education in the Terek region in the 60s of XIX century]. Candidate dissertation (in History). Vladikavkaz, 2009. 200 p.
3. Kobakhidze, E.I., Ladonina, N.A. *Razvitie obrazovatel'nogo potentsiala Osetii vo vtoroi polovine XIX veka* [Development of the educational potential of Ossetia in the second half of the 19th century]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2017. 321 p.
4. Gutieva, E.Sh. *Osetinskaya intelligentsiya v epokhu poreformennoi modernizatsii: vtoraya pol. XIX – nachalo XX vv.* [Ossetian intelligentsia in the epoch of post-reform modernization: the second half of the XIX – early XX century]. Thesis abstract of candidate dissertation (in History). Vladikavkaz, 2009. 29 p.
5. Dzalaeva, K.R. *Osetinskaya intelligentsiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)*. [Ossetian

intelligentsia (second half of the 19th – early 20th centuries). 2nd ed.]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2012. 298 p.

6. Galazov, D. Sel. *Gizel'. Dolya uchitelya* [Settlement Giselle. Teacher's fate]. *Terek* [Terek]. 1915, no. 5325.

7. Morozova, V.V. *Pravovoi i sotsial'nyi status uchitelei dorevolutsionnoi Rossii* [The legal and social status of teachers in pre-revolutionary Russia]. Thesis abstract of candidate dissertation (in Law). Nizhny Novgorod, 2007. 28 p.

8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of Russian history. Third collection]. St. Petersburg, 1895, vol. XV, no. 11396.

9. Naron [K.L. Khetagurov]. *Tserkovno-prikhodskie shkoly v Osetii* [Parish schools in Ossetia]. *Severnnyi Kavkaz* [North Caucasus]. 1901, no. 88.

10. Tulchinsky, N. *Po povodu s'ezda uchitelei prikhodskikh shkol Severnoi Osetii* [Concerning the congress of teachers of parish schools in North Ossetia]. *Terskie vedomosti* [Terek statements]. 1901, no. 89.

11. Uruimagov, Kh. *Pensii sel'skim uchitelyam v Osetii* [Pensions for rural teachers in Ossetia]. *Kazbek* [Kazbek]. 1899, no. 633.

12. [No name]. *O polozhenii uchitelei osetinskikh shkol Severnoi Osetii* [On the state of teachers of Ossetian schools in North Ossetia]. *Kazbek* [Kazbek]. 1903, no. 1559.

13. Amir-khan. *K voprosu ob ukhode uchitelei iz Severnoi Osetii* [On the issue of teachers leaving North Ossetia]. *Kazbek* [Kazbek]. 1905, no. 2260.

14. Khostsau. *Neskol'ko slov o polozhenii uchitelei v Osetii* [A few words about the situation of teachers in Ossetia]. *Kazbek* [Kazbek]. 1900, no. 662, 679.

15. Digoron. *V zashchitu uchitelei osetinskikh narodnykh shkol* [In defense of teachers of Ossetian popular schools]. *Kazbek* [Kazbek]. 1901, no. 1142.

16. [No name]. *Ob osetinskikh shkolakh* [About Ossetian schools]. *Terskie vedomosti* [Terek statements]. 1903, no. 148.

17. Digoron. *Na stat'yu Digorona "V zashchitu uchitelei osetinskikh narodnykh shkol"* [On Digoron's article "In defense of teachers of Ossetian folk schools"]. *Kazbek* [Kazbek]. 1901, no. 1162.

18. Osetin. *Neskol'ko slov po povodu stat'i «Ob osetinskikh shkolakh»* [A few words about the article "About Ossetian schools"]. *Kazbek* [Kazbek]. 1903, no. 1656, 1657.

19. Filonenko, T.V., Shipilov, A.V. *Material'noe polozhenie uchitelei v dorevolutsionnoi Rossii* [Financial position of teachers in pre-revolutionary Russia]. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2004, no. 7, pp. 65-75.

20. Chizhevsky, P. (ed.). *Vseobshchee obuchenie i zemstvo* [General education and zemstvo]. St. Petersburg, Sprav.-ped. byuro Ligi obrazovaniya, 1910. 188 p.

21. Leikina-Svirskaya, V.R. *Russkaya intelligentsiya v 1900-1917 godakh* [Russian intelligentsia in the 1900-1917]. Moscow, Mysl', 1981. 285 p.

22. Suchkov, I.V. *Sotsial'nyi i dukhovnyi oblik uchitel'stva Rossii na rubezhe XIX – XX vekov* [The social and spiritual image of Russian teachers at the turn of the XIX-XX centuries]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1995, no. 1, pp. 62-77.